

Александр НОВИКОВ: ЧЕСТНЫЙ. ЧИСТЫЙ. ПОХОЖ НА МЕНЯ

Неделя 1997 № 9 - с. 14
Он презирает современную эстраду.

Себя гордо именует поэтом. Творчество совмещает с бизнесом, что порождает бесконечную череду слухов о закупках заводов на Урале и островов на Курилах, о спуске с верфи парохода его имени. Живет в Екатеринбурге. Перемещается на «Мерседесе». Телохранителей не имеет. Считает, что ему бояться нечего, поскольку грехов за собой не числит.

— Некоторые считают, что я стал известным благодаря тюремному прошлому. Это чушь. Когда я попал в тюрьму, мой альбом уже гремел по всей стране. Тюрьма — вещь страшная. Мне приходилось и бить морды, и ломать челюсти. Кстати, не вижу в этом ничего выдающегося. Лагерь есть лагерь. Но мои песни нравились всем — я работал четыре года на лесоповале на севере Свердловской области, до этого сидел в камере и не видел такого человека, которой был к ним равнодушен.

— Вы производите впечатление очень сильного человека. Тюрьма закалила?

— По большому счету, я каким был, таким и остался. Не стал злее, грубее, тупее. Хотя, наверное, мужественности и жестокости прибавилось. Научился приспосабливаться к жизни, справляться с трудностями. Чтобы не сломаться, нужно уважать себя и не давать окружающим посягать на свои интересы. Не наезжать на другого. Не паниковать. И еще важна, конечно, физическая сила. Но в любом случае надо оставаться человеком, а не превращаться в свинью. Не предавать, не продавать. Не закладывать, не делать гадости другим. Тогда все будет нормально.

— В тюрьме вы умудрились написать песен на три альбома...

— Это при том, что до моего прибытия из лагеря по указанию сверху изъяли все гитары. Я был не простой заключенный. Находился под центральным колпаком, а не нашим областным. Ельцин, являвшийся тогда первым секретарем обкома, ничего бы не смог исправить. Даже если бы захотел.

— Какой вы представляете свою аудиторию?

— Меня слушают и дети, и старики. Песню «Шансонетка» знают и в детских садах. Пятилетние «кнопочки» на концертах поют и танцуют под песню «Уличная красotka». Мой слушатель — умный человек. У меня не кабак, а песни с серьезным содержанием, не тексты, а — стихи. Пусть и на примитивную музыку. И очень демократичный жанр. Это великий жанр. В нем работали такие корифеи, как Вертинский, Высоцкий, Галич, Лещенко, Окуджава, Козин, Визбор. В нашем жанре — все настоящее, русское. И его тем больше любят, чем больше деградирует попса, которая уже превратилась в попсину. В попсе великих не было. Например: Пугачева — не великая, она талантливая, известная, популярная и по-своему значимая фигура. Даже в том, что мы сегодня называем рок-музыкой — величия нет. Поскольку рок это только производная того жанра, в котором я работаю.

— Кого вы считаете своими единомышленниками, коллегами?

— Александра Розенбаума, Александра Дольского, Андрея Макаревича, Юрия Шевчука. Но ни в коем случае не Шуфутинского. Во-первых, он ничего не сочинил за свою жизнь, а во-вторых, от его творчества пахнет антрекотом и пивом, это — кабак.

— После ваших открытий о поборах на ТВ у вас не было проблем с выходом в эфир?

— В лицо они мне ничего не говорят. Не хватает смелости. А втихоря палки в колеса вставляют. И не мне одному. Прейскуранты напечатаны в газетах. Тем не менее все продолжают платить. И если сегодня исполнитель, чью песню крутят целый месяц, вдруг заявит, что не платил, я первый брошу в него камень. Я думаю, что это не будет продолжаться долго. Все монополии в конце концов рушатся.

— Не поведаете, последний раз сколько платили и кому?

— Кому — не скажу. Раз я сам деньги дал, то зачем людей подставлять? Но сумму обозначу — 30 тысяч долларов. Я плачу не за себя, помогаю другим. Меня просто так приглашают.

— Тогда вопрос к вам — продюсеру: для того, чтобы раскрутить звезду, сколько нужно денег?

— Звезду раскрутить нельзя. Она загорается сама. А попытки зажечь булжники — ничего не дают. Произошла девальвация слова «звезда». Если три месяца подряд в мозги вбивается жалкая убогая песенка в соответствующем исполнении, которая потом занимает какие-то места в хит-парадах, то значит — родилась новая звезда? Звезда — это в первую очередь личность, имеющая влияние на национальную культуру и значение для мировой культуры. По ТВ мы видим каких-то индивидуумов непонятного пола. В России можно считать звездой Пугачеву. Хотя в мировых масштабах это звучит смехотворно. Я бы скорее Макаревича назвал звездой. Он — фигура, значимая для культуры. Ему не надо было раскручиваться. Он написал десяток песен, которые потом слушали до дыр на магнитофонных лентах.

— Значит, как продюсер вы не собираетесь из Натальи Штурм делать звезду?

— Нет. Это ведь невозможно. Я просто помогаю певице занять достойное место на нашей эстраде.

— Вы действительно выиграли ее в карты?

— Нет. Это была шутка журналиста. Я услышал ее на концерте в Театре эстрады. И сразу заметил несоответствие ее исполнительского уровня репертуарному. Я ей сказал: то, что вы поете, — убого, и чем раньше вы выкинете все в помойное ведро, тем быстрее станете знаменитой. У нее не было денег, чтобы покупать песни у классных авторов. Я стал писать для нее бесплатно.

— У вас две собственные студии. Штурм «обошлась» вам в 200 тысяч долларов. Откуда такие деньги?

— На концертах заработал. Кроме того, бизнесом занимаюсь. Грузоперевозки из Турции, Арабских Эмиратов.

— И это не мешает творчеству?

— Я же не сам тюки таскаю. Есть штат работников, которые всем этим занимаются. Я отвечаю за идеологию бизнеса.

— Не секрет, что около шоу-бизнеса немало бандитов. Мне кажется, что ваши песни наиболее близки этой категории слушателей. Напрашивается вопрос: не помогает ли вам мафия?

— Бандиты, которые собирают дань с киосков, — это не мафия. Мафия давно у власти. Мне никто не помогал. Никаких спонсорских поступлений не было. Ничьи деньги через свой счет я не прокручивал.

— Вы — само олицетворение мужественности. А какие женщины вам нравятся?

— Красивые. Добрые. По-женски умные. Женственные — мягкие и сексуальные. В моей жизни плохих женщин не было. Конкретизировать не буду. Я не отношусь к той категории идиотов мужского пола, которые печатают списки любовных побед. И не причисляю себя к импотентам, которые сидят в компании и рассказывают, кто кого сколько раз. У меня прекрасная семья. Дочери Наташе 14 лет, она учится в художественной школе. Девочка очень красивая, эффектная и способная. Сыну Игорю 21 год, он работает у меня на фирме. Не пьет, не курит. Парень он честный и чистый. Похож на меня. Супруга Маша работает на кафедре иностранных языков в Уральском кадровом центре. Если бы мне выпало в жизни начать все с белого листа, я снова женился бы на Маше.